

УДК 1:304.9

**УТОПИЯ КАК ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА***Ю.Д. Смирнова***Аннотация**

В статье рассматривается утопия как форма (в сознании) «очеловечивания» социального бытия, то есть возвращения действительности человека в социальное бытие. Анализируются причины, приведшие к исчезновению человеческой действительности из социального бытия, и последствия данного события. С точки зрения автора, утопия является примером гармоничного сосуществования человеческой действительности и социального бытия.

Ключевые слова: человеческая действительность, утопия, социальное бытие.

Процесс изучения человеком самого себя «есть реальность, в которой «объект» совпадает с «субъектом»» [1]. Человек – объект изучения не пред-стоит человеку – исследователю, он не является чем-то внешним, чем-то, с чем нам приходится «встречаться». «Это есть реальность, открывающаяся самой себе – открывающаяся не в силу того, что кто-то другой на неё смотрит, а в силу того, что самое её бытие есть непосредственное бытие-для-себя, самопрозрачность. Другими словами, эта реальность открывается нам в форме живого знания» [1], всегда получается, что любое исследование человека превращается в «натюр-морт» – вроде бы те же фрукты-овощи, но мёртвые... чтобы изучить человека надо его огрубить, превратить в объект. Изучается всегда только статичный человек, наделённый каким-то набором качеств. И получается, что человек-то «мёртвый».

Мы считаем, что есть способ исследовать человека, не превращая его в «натюрморт», – нужно изучить человеческий мир, как он предстаёт в утопии. И начнём мы с рассмотрения вопроса, равны ли между собой человеческая действительность и человеческая сущность по значению?

Практически в любом философском словаре действительность определяется как объективно существующий предмет, как результат реализации некоторой возможности. Сущность – внутреннее содержание предмета, обнаруживающееся во внешних формах его проявления. «Человеческая действительность – порождённый опытом и творческими усилиями многих поколений людей общественный опыт» [2]. Бытие человека (индивидуальное или как члена общества) всегда есть совокупный общественный опыт, который транслируется каналами социализации (семьёй, школой, общественной средой). Получается, что человеческая действительность есть природа человека во всём её многообразии,

тождественная человеческому в человеке. Человеческая действительность – то, что позволяет бытийствовать, «говорить» подлинному Я человека. Осталось только разобраться, кто даёт оценку подлинности, и проблема решена. Фактически ответ очевиден – человек, но тогда возникает следующий вопрос: «А судьи кто?» Кто дал право судить? А что, если судья – всё человечество?

Как нет идеально подходящего для изучения всего человеческого рода представителя, так нет и идеального судьи. Лучше всего человека характеризуют его поступки. Но поступки и действия – понятия довольно обширные; наибольший отклик (положительный или отрицательный) в душе человека оставляет самое близкое, интимное: семья, любовь, одиночество, смерть, – экзистенциалы, феномены человеческого бытия. В отношениях с самым близким человек проявляет свою сущность, раскрывается, не боясь быть раненым, но в то же время самое близкое ранит тебя сильнее всего, больнее. В таком случае нередко человек старается убежать от своего «близкого», вытеснить его из сферы сознания. Самое близкое становится самым далёким – парадокс человеческого бытия.

На наш взгляд, объективным человеческим бытием является бытие человеческого – человеческая действительность. Именно в отношении неё человек максимально откровенен. Нет, не так... только лицом к лицу с ней – со своей смертью, одиночеством, любовью – человек проявляет свою истинность, действительность. Выбирая своё отношение к каждому из феноменов бытия человеческого, мы выбираем человечество, определённый мир и правила жизни в нём. Всё остальное перестаёт нас интересовать, становится нам чуждым. Выбор своего отношения – самый важный выбор человека, однако нередко мы перекладываем бремя выбора и ответственность за него на других. И получается, что мы передаём право решать, какими нам быть, другим.

В современном мире пространство и время размываются. В «классическом» мире человек находился только в одном пространстве и времени, современный человек живёт в «сказочном» пространственно-временном континууме [3, с. 234–407]. Он одновременно может находиться в разных местах или в разном времени, по собственному желанию перемещаться, для этого уже не нужны волшебные приспособления. Хронотоп современного человека – вне времени и пространства, Интернет и глобализация размыли смысл этих понятий. Живя в действительности в одном часовом поясе, можно жить по совсем другому времени, не ощущая дискомфорта, поскольку созданы все необходимые условия; для многих из нас стало нормой ношение часов, показывающих время сразу нескольких континентов. Поисковые системы (такие как Google) предоставляют услуги виртуальных экскурсий по городам, музеям и т. п. Теперь такие музеи, как Лувр или Музей Гуггенхайма, можно посетить, не выходя их дома, в одиночку или с личным экскурсоводом. Сами того не замечая, мы пользуемся машиной времени, перемещаясь в прошлое или будущее, мы хотим убежать от собственной реальности, действительности нашего бытия.

Мы озабочены проблемами голодающих в Африке или Индии, а о близких не вспоминаем. Проявлять любовь и заботу о «дальнем» нам проще, чем о «ближнем». «Я всегда на связи», – скажет современный человек и будет прав. Мобильный телефон, Skype и прочее дают нам возможность круглые сутки быть

в курсе событий, происходящих с близкими, но живое человеческое общение глаза в глаза – это роскошь, которой мы не можем себе позволить. И виной тому не нехватка времени, а отсутствие опыта, неумение общаться с живым, во всех смыслах, человеком. Может показаться, что проблема нова, современна, но это не так.

Как нам представляется, появление утопии – сигнал о том, что ускользает что-то важное, человеческая действительность перестаёт быть реальностью, её заменяют другие «действительности». Человек теряет точку опоры и начинает метаться в поисках устойчивого фундамента, примерять разные маски и образы существования, но делает это неумело, впопыхах, и толку получается мало. В моменты кризиса человек старается заполнить образовавшуюся пустоту деятельностью, погружается в работу, ищет новые занятия и увлечения. Он настойчиво бежит от пустоты, одиночества, от самого себя, своего Я... Между тем кризис – это время встречи с самим собой, странный момент, когда у тебя действительно есть время разобраться, что ты есть. Это время, когда вместо «натюрморта» нам предлагается живой человек, но это и страшно. С живым сложно, всем страшно узнать, какой ты на самом деле, какова твоя истинная природа, но только выяснив для себя это, можно гармонично существовать в социальном бытии.

В этой ситуации нашим помощником может стать утопия, честно, без прикрас описывающая реальное бытие, человека и его сущность. Она не только «покажет» тебя таким, какой ты есть, но и предложит пути выхода из кризисного положения. Поэтому можно утверждать, что утопия несёт в себе важные положительные моменты, которые нельзя оставить без внимания. Во-первых, утопия, рисуя образ идеального мира, предвосхищает общество после кризиса, даёт прогноз будущего, один из вариантов возможного развития. Во-вторых, наблюдая крах веры в настоящем, утопист продуцирует новую веру, новый идеал. И в-третьих, как писал П. Рикёр, утопия формирует альтернативные пути жизни, расширяет наш кругозор.

В утопии (какой бы старой она ни была) все экзистенциалы приведены в гармонию:

- человек не одинок, он живёт в коллективе равных себе людей;
- его жизнь гармонизирована: никаких конфликтов, раздоров или недовольства внутри общества;
- всякая возможность внешних контактов сведена к нулю: описываемые государства преимущественно островные или отгорожены от мира природными преградами;
- существуют и искусственные барьеры: наличие своего языка, которого не понимают остальные; отсутствие товарно-денежных отношений как внутри страны, так и с соседними странами;
- человек не боится смерти, так как этот вопрос решается либо добровольным самоубийством (обоснованным эстетически), либо не поднимается вовсе, что может говорить о том, что смерть не является чем-то пугающим;
- не существует проблемы самоопределения, или самоосознания. Каждого уже «самоопределили», и задача человека – неукоснительно следовать предписанному и хорошо выполнять свои обязанности;

- существует дихотомия миров: мир утопии и противостоящий ему реальный мир, заведомо худший, навязывающий человеку свою волю;
- эстетизированность человека, нового мира, самой жизни: симметрия городов, красота людей, природы и т. п.;
- в антиутопиях во власти государства оказывается и сознание человека, появляется возможность управлять временем и информацией, создавать историю такой, какая в настоящих условиях наиболее выгодна.

Рассмотрение утопии в подобном ключе позволяет нам предположить, что с древнейших времён она была хранилищем примеров гармоничного сочетания социального бытия и человеческой действительности, а утопические проекты являлись не чем иным, как формами возвращения утраченной человеческой действительности социальному бытию.

Утопию сравнивали с множеством различных понятий и явлений. Наиболее интересными были сравнения с «размягчённой грёзой о невозможном, которая сродни женской, детской, подростковой личности (Ж. Дюво), а то и движущей силой культурно-исторического прогресса (К. Мангейм, Р. Маккиавелли, Р. Труссо); чем-то вроде шизоидного синдрома (Ж. Камп, Ж. Габель) или образца проективного мышления (Г. Крисмански, Р. Рюйе, М. Швонке); утопия называлась и спасением, надеждой, “гуманистической религией” (Э. Блох, М. Элиаде, П. Тиллих) и фальшивой ценностью культуры, несущей погибель и зло (К. Поппер, Н. Бердяев)» [4].

В XX веке у утопии появились жанры-спутники – антиутопия и дистопия, XXI век прибавил экоутопию и практопию. Но «утопии соблазняют тех, кто в них нуждается для своей социальной идентификации, оправдания одиночества или своего положения в обществе, своей миссии: для чего и зачем я живу, зарабатываю, выживаю вместе с такими же как и я? Утопия – идентификатор принадлежности человека к той или иной социальной группе (чувство “Мы”), что даёт право на критику настоящего как “неподлинного”. <...> Вот почему утопии все чаще “примериваются” не к обществу, а к нашему внутреннему миру – будь то чувственность или чувства, высокая духовность или подсознательный инстинкт» [4]. Утопии, понятой таким образом, «претят» пространство и время, хронотоп сужается до размеров моего индивидуального психического состояния. Пространство и время становятся субъективными, чисто индивидуальными «априорными формами чувственности», реальных пространства и времени не существует, они предзаданы в сознании, и утопия превращается в «атопию» [1].

Само появление утопии как литературного произведения, жанра, появление утопии как таковой есть констатация (пусть и латентная) человеком своего главного страха. Утопия – продукт, итог встречи человека со своей действительностью, начало бегства человека от самого себя. Утопия как литературное произведение рисует нам картину идеального общества (или государства), существующего в прошлом или будущем, в другом времени и пространстве, утопия – принципиально чужое, иное. Человек уверен, что он был лучше или будет... в другое время (отсюда желание многих жить в другую эпоху) или в другом месте («вот уеду и всё получится, здесь мне развернуться не дают»). Человек может быть лучше... но только не сейчас, а утопия даёт прекрасную возможность быть здесь и сейчас, она позволяет действительности говорить во весь

голос, торжествовать. Утопическое общество требует от человека жить здесь и сейчас, без воспоминаний о прошлом и грёз о будущем – твоя жизнь ничем не отличается от жизни прошлых поколений и ничто не сигнализирует о том, что она будет другой после тебя; у жителя утопического государства нет и не может быть возможности сменить место или время жизни, он должен жить в данных ему условиях. Человек осознает это и не бежит от своей действительности, он знает её и принимает.

В чём причина того, что действительность была человеком утрачена, и почему утопия даёт ей возможность бытийствовать? Если начать вспоминать самые известные утопии, то вырисовывается интересная картина. Вспомним пять утопий или антиутопий (любые, список может быть разным; автору первыми вспомнились именно эти): Платон «Государство», Т. Мор «Утопия», Э. Беллами «Взгляд назад», Е. Замятин «Мы», О. Хаксли «О дивный новый мир»; каждое произведение создавалось либо в кризисную эпоху (Платон), либо на стыке столетий (Беллами). Кризисные периоды – время, когда человек чувствует себя максимально некомфортно, он находится в подвешенном состоянии и хочет как можно быстрее обрести твёрдую почву под ногами и внутреннюю гармонию. В новых условиях «старый» человек существовать не может, а «новый» ещё не сформировался, утопия же описывает не только новое общество, но и новых людей. Критика старого общества – критика человека как творца этого общества, человека как такового.

Человек обращается к утопии, когда утрачивает свою подлинную действительность, теряет своё место, уверенность. О причинах мы уже сказали, но нужно постараться найти и решение проблемы.

Вопрос о своём месте в жизни, своей роли и предназначении волновал человека ещё со времён античности. Для древнего грека самоопределись означало получить имя. Парменидовская фраза «бытие есть мышление» означает, что бытие (любая бытийствующая вещь, предмет, явление) имеет имя; небытие же невыразимо, таким образом, самоопределение есть акт онтологический. Но акт самоопределения не является единичным: нельзя определить раз и навсегда, это событие нужно периодически повторять и быть готовым к переменам в собственной жизни. Сама формулировка «акт самоопределения» несёт в себе правовой оттенок, будто это некий акт гражданского состояния, который должен быть где-то зафиксирован. На самом же деле самоопределение требует от человека, во-первых, готовности отказаться от прошлого себя, во-вторых, подвижности, активности и некой лёгкости. Самоопределение показывает человеку, что он на самом деле больше, чем то, что о себе думает.

В истории философии мы находим две версии самоопределения: первая принадлежит Жан-Полу Сартру, а вторая – Мартину Хайдеггеру.

Вопрос о самоопределении у Хайдеггера носит онтологический характер потому, что связан с бытием. Суть выбора – слышать голос бытия или оставаться глухим, встать в просвет бытия или пребывать в тени. Сартр решает этот вопрос в этическом ключе. Сущность человека ещё не сформировалась, человек – то, что он ещё не есть. По мнению Сартра, выбирая линию поведения для себя, выбирая себя, человек выбирает всё человечество. Он делает выбор в пользу одного и одновременно отказывает чему-то другому, погружает в небытие.

В утопических произведениях общество строго иерархизировано, будь то утопия Платона и Кампанеллы или антиутопия Хаксли и Оруэлла. В утопии Платона существует разделение общества на три сословия (мудрецы, воины и земледельцы-ремесленники), Город Солнца Кампанеллы разделён на семь концентрических кругов, каждый заселён определённым сословием и перемещаться из одного круга в другой запрещено. В утопиях разделение на сословия происходит «по природе», и задача человека, во-первых, не ошибиться и правильно распознать природные задатки, а во-вторых, найти занятие, которое идеально бы ему подходило. В антиутопии всё так же, за исключением одной важной детали – разделение на сословия осуществляется искусственно. Люди выращиваются в пробирке для каждого сословия в отдельности по уникальной программе. Количество новорождённых можно легко контролировать и варьировать по необходимости.

В утопических произведениях автор снимает с человека тяжёлое бремя самоопределения. За него выбор делает государство, общество, сама природа. И это совсем не так плохо, как кажется. Мудрые правители с первого взгляда точно определяют, каково твоё призвание, твоя натура, сущность и находят для тебя такое занятие, которое тебе идеально подходит. Античный девиз «живи согласно с природой» простому человеку осуществить сложно, поскольку распознать, в чём это «согласие» заключается, непросто. И что же тогда всю жизнь маяться? Не зная своих места и роли, заставлять страдать и мучиться ещё как минимум одного человека, чьё место ты занимаешь, а он ещё одного, и ещё одного... и так бесконечно?..

Пусть каждый из нас вспомнит, как в школе проходил тест на профессиональное ориентирование, любая биржа труда сейчас предлагает бесчисленное количество подобных тестов, помогающих лучше понять, работа какого рода идеально подходит именно для тебя. Получается и современный человек не может самостоятельно найти себя в жизни, ему нужна помощь знающих людей. А в утопии они государством управляют – их и искать не надо. И вот здесь хочется согласиться с Е.Л. Чертковой, которая в своей статье пишет, что первоначальный смысл происхождения утопии – незнание, невежество людей [5]. Платон создал свою утопию как образец идеального государства, идею идеального государства, к которому стремится всякое земное. Создал потому, что люди просто не знали, какова она, идея идеального государства. Идеальное государство – сложная (многоуровневая, составная) идея, человеческая действительность также является сложной идеей, о которой мы мало что знаем. Именно поэтому она наличествует в утопии, а утопия, в свою очередь, является формой или возможностью её проявления.

Summary

Yu.D. Smirnova. Utopia as a Form of Realization of the Individual Reality.

This article considers utopia as a form (in consciousness) of “humanization” of the social being, i.e., return of the individual reality to the social existence. We analyze the causes that have led to the extinction of the individual reality from the social existence and its consequences. From our point of view, utopia is an example of harmonious coexistence between the individual reality and the social being.

Key words: individual reality, utopia, social being.

Литература

1. *Франк С.Л.* Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия. – URL: <http://altrea.narod.ru/frank/realnost.html>, свободный.
2. *Яценко Н.Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. – СПб.: Лань, 1999. – URL: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/d/deystvitel5nost5.html, свободный.
3. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – 502 с.
4. *Лучанкин А.И., Нордберг В.В.* Экономия смеха: абсурд и утопия в социальной инноватике. – URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/luchankin_ekonomija/, свободный.
5. *Черткова Е.Л.* Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) // *Вопр. философии.* – 2001. – № 7. – С. 47–58.

Поступила в редакцию
21.10.11

Смирнова Юлия Дмитриевна – аспирант кафедры общей философии Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: myphilosophy@mail.ru